

Журнальные замѣтки.

Русское Богатство, Жизнь, Русская Мысль—Изд.

Въ Русскомъ Богатствѣ напечатанъ не-
большой очеркъ г. Елпатьевского „Въ под-
валѣ“. Онъ и самъ по себѣ хорошъ (очень
живо обрисованъ своеобразный захолустный
типъ)—и стоитъ вниманія потому, что по
прочтеніи очерка невольно напрашиваются
кой-какія сопоставленія и параллели въ
нашей умственной и общественной жизни.

Рѣчь идетъ о старомъ киперѣ (одѣвщикѣ
винъ) въ захолустномъ городѣ. Страдаетъ
онъ болезнью, которая называется „боязнь
пространства“ и состоитъ въ безотчетномъ
прахѣ предъ большими площадями, толпою,
высокою, яркимъ солнцемъ. Старикъ боится
грозы, шуму, криковъ толпы, боится высо-
каго неба, яркаго солнца, не любитъ лѣта,
лны, зато любитъ осень, когда нѣкая
облака окутываютъ землю, повсюду просыпают-
ся день, встаютъ равніи сумерки. Тогда онъ
успокаивался отъ своего волненія. Въ мага-
зинѣ киперъ завелъ свои порядки, выжилъ
бойкихъ приказчиковъ, самыхъ покупателей
пріучилъ къ тихому и скромному обращенію.
Мученикомъ онъ былъ подъ праздники,
когда было много покупателей и шумъ и
спѣхъ въ магазинѣ. Тогда старый киперъ
весь день прячется и потихоньку дрожитъ и
все улыбается своею виноватою, жалкою и
ласково, и испуганно заискивающею улыбкой.
Разъ онъ чуть не умеръ со страху въ ночь
на Свѣтлое Воскресенье, когда священникъ съ
амвона сказалъ: „Христосъ Воскресе!“ и весь
народъ въ церкви отвѣтилъ: „Воистину вос-
кресе!“ и люди стали цѣловаться, обниматься.

Все молилъ Бога старый киперъ, чтобы Богъ
пожалѣлъ его, укрѣпилъ его слабую волю, пу-
гливое сердце,—чтобы не бояться ему мѣста про-
сторнаго, дали далекой, твореній Божіихъ—
солнца блещущаго, неба высокаго и людей—
дѣтей Божіихъ, не бояться бы словъ свѣтлыхъ,
словъ божественныхъ...

Послѣ бурныхъ приступовъ испуга, ста-
рикъ скрывался въ подвалѣ, гдѣ въ темнотѣ
и сырости его находилъ успокоеніе отъ
ужаса своего предъ шумомъ и просторомъ
жизни. Здѣсь однажды побывалъ у него
авторъ, какъ разъ въ то весеннее время,
когда виноградное вино начинаетъ бродить
въ бочкахъ. „Поглядывать“, оказывается,
надо и за винами. Они вдругъ „защепчутъ“,
въ бочкѣ слышенъ странный шопотъ, въ
родѣ того, какой бываетъ весной въ боль-
шихъ сугробахъ послѣ теплаго дождя: словно
тысячи капелекъ проснулись и бьются другъ
о друга, и о чемъ-то сговариваются, и куда-то
спѣшать. Это, по объясненію стараго кипе-
ра, vino во время цвѣтенія винограда вспо-
минаютъ прошлые времена, свое мѣсто, какъ
на волѣ росли... Разсказчикъ, увлекшись
этими повѣстическимъ повѣрьемъ о грезящемъ
винѣ, напугалъ было старика до смерти, за-
говоривъ о полуденной свѣтлой и вольной
роднѣ винограда, о горахъ и горячемъ
солнцѣ, о безпредѣльномъ просторѣ моря

Дити мало по малу, поговоривъ о тайнахъ
киперскаго искусства, о старыхъ бочкахъ
испанскихъ винъ, которыя молчатъ и ни о
чемъ не шепчутъ, старикъ успокоился. И
снова пошелъ бродить по огромному подва-
лу, словно тюремный стражъ съ потайнымъ
фонаремъ въ рукахъ, прислушиваясь къ ша-
меранъ, гдѣ сидятъ заключенные

— Варенифій Михайловичъ! — почти закри-
чалъ я.

Страшнымъ гуломъ отозвался мой голосъ въ
безмолвномъ подвалѣ. Старикъ подошелъ ко
мнѣ и поднялъ фонарь надъ своимъ лицомъ.

— Что же вы съ нимъ дѣлаете?

Онъ наклонился надо мной и, закрывъ
рукою огромный беззубый ротъ, засмѣялся сво-
ими всхлипывающимъ смѣхомъ и таинственно
шепнулъ:

— Сѣрой окуриваемъ... Не любятъ они...

— Ну и тогда?

Страшный, огромный ротъ еще разъ затрясся,
хихикая, всхлипывая:

— Тогда они молчатъ...

Онъ высоко подыалъ фонарь надъ головой и
стоялъ предо мной задумчивый, спокойный и
важный.

Въ подвалѣ было темно, сиво и холодно.

Вотъ и весь разсказчикъ. Можно только
пожалѣть, что онъ выдержанъ не весь въ
одномъ тонѣ, а авторъ въ первой половинѣ
сбивается съ простой литературной рѣчи на
манеру какого-нибудь захолустнаго начет-
чика, а потомъ бросаетъ ее опять. Но и то
очеркъ оставляетъ по себѣ сильное впечат-
лѣніе. Старый нервно-больной киперъ живъ
онъ стоитъ передъ вами. И въ то же время
образъ его наставляетъ услышать и пройтись
предъ взоромъ читателя, какъ подчасъ и въ
нашей жизни обуреваютъ русскаго человѣка
подобный же страхъ простора и воли, какъ
иногда онъ способенъ только издали робко
мечтать о томъ, чтобы „не бояться ему мѣ-
ста просторнаго, дали далекой, твореній Бо-
жіихъ, словъ божественныхъ“, и какъ мо-
лодые силы, запертыя въ условіяхъ тѣснаго
„подвального“ существованія, тщетно шеп-
чутъ, и грезятъ, и рошутъ, пока ихъ не
утихомирятъ, пока жизнь — тюремщикъ не
выкуритъ вольнаго духа...

Невольно вспоминается в аналогичное про-
изведеніе г. Чехова, еще болѣе образно за-
хватывающее ту же особенность русской
жизни, этотъ страхъ многихъ русскихъ лю-
дей предъ всѣмъ сильнымъ, яркимъ, свое-
образнымъ, предъ просторомъ. Мы говоримъ
о „Человѣкѣ въ футлярѣ“.

Герой этого произведенія, какъ помнить
читатель — педагогъ, зараженный ужасомъ
предъ жизнью, мало-мальски свободною отъ
всевоможныхъ регулирующихъ ее правилъ и
предписаній. И много такія „человѣкомъ въ
футлярѣ“ или одержимымъ „боязнью про-
стора“ не является, а испытываетъ добровольно въ
подвалахъ, для себя построенныхъ, загоражива-
ясь отъ солнца и простора глухими стѣнами.

Не мало людей этого типа даетъ среда,
изображенная въ романѣ г. К. Баранцевича
„Большая кровь“, закончившемся въ
июльской книжкѣ *Жизни*. Это — міръ столѣ-
тней интеллигенціи средней руки, чиновники,

врачи, учителя и т. п. Романъ представ-
ляетъ собою хронику жизни нѣсколькихъ сто-
личныхъ семей, жизни, поглощенной одни-
ми служебными да семейными интересами.
Съ виду люди живутъ благополучно, но на-
дѣлъ ненормальныхъ привычекъ городской ус-
ловной жизни отражаются на этой средѣ не-
маленьше, чѣмъ на городскомъ пролетаріатѣ,
постоянно вымирающемъ и замѣняемомъ
новыми и новыми выходцами изъ деревень.
Въ обезличенной средѣ средней интеллиген-
ціи наблюдается неуклонный, но медленный
процессъ всесторонняго вырожденія, и физиче-
скаго, и духовнаго.

Особенно много мѣста авторъ удѣляетъ
большой семьѣ нѣкоего Чукардина. Большая
кровь—это онъ самъ, это его большая кровь,
отравленная студенческими кутежами, това-
рищескими попойками, всѣми этими „рю-
мочками“, „кружечками“ и „стаканчиками“,
которыхъ было проглочено такое множество,
подъ возбуждающимъ вліяніемъ которыхъ,
быть можетъ, совершилось зарожденіе всѣхъ
его дѣтей. Всѣ они производятъ болѣе или
менѣе ненормальное впечатлѣніе какихъ-
то неврастениковъ. Старшая дочь поража-
етъ какимъ-то равнодушіемъ къ жизни,
злостью въ соединеніи съ ханжествомъ.
Старшіе сыновья растутъ какъ-то дико и
грубо замкнувшись сами въ себя. Одинъ
изъ младшихъ, способный и умный маль-
чикъ, болѣе всѣхъ отравленный ненормаль-
ною кровью, не выдерживаетъ скарилатины
и ея послѣдствій, и медленно погибаетъ на
глазахъ родителей.

Большая кровь — это друзья и знако-
мые Чукардина. У одного дѣти мрутъ въ
раннемъ возрастѣ; у другого—сынъ болѣз-
ненно-самолюбивый, расплывается за грѣхи
отца самоубійствомъ изъ-за оскорбленія, на-
несеннаго совершенно ничтожнымъ человѣ-
комъ; у третьяго—восьмилѣтняя дочь уже
страдаетъ истерическими припадками; у чет-
вертаго—дочь совершенно неуравновѣшен-
наго характера, такъ что только случай
спасаетъ ее отъ перспективы попасть въ
содержаніи и опуститься еще ниже, и т.
д., и т. д. У всѣхъ—большая кровь, либо
извращающая ихъ душевный складъ, либо
дѣлающая ихъ бесплодными, либо отража-
ющаяся въ формѣ различныхъ аномалій въ
природѣ ихъ дѣтей

Это—мѣсть попорченной человѣческими дур-
ными привычками, изнасилованной и пору-
ганной природы. И благо еще тѣмъ, кто
испытаетъ эту мѣсть на себѣ же, но какъ
должны быть глубоко несчастны тѣ, которыми
природа иститъ черезъ ихъ дѣтей, когда они
эти люди, видятъ, что заданіе, которое они
создали упорнымъ трудомъ, кладя камешекъ
къ камешку, и уже возведенное подъ крышу
внезапно рушится и погребается подъ собою
всю любовь, всѣ надежды, всѣ упованія че-
ловѣка. Внутренній голосъ шепчетъ имъ,
что они сами виновны въ гибели дѣтей,
что такихъ, какъ они, миллионы! (См.)

Ч. Ветринский